

Любовь Сидорова

**Историографическая традиция в Советской России
и Русском зарубежье 1920–1930-х гг.***

Lyubov Sidorova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

**Historiographical tradition of the Soviet Russia
and the Russian Abroad of the 1920–1930s**

DOI: 10.31857/S0869568722050223, EDN: KNNAES

Название нового исследования авторитетных омских историографов, отсылающее читателя к эмоционально напряжённому диалогу двух выдающихся деятелей русской культуры — поэта-символиста Вяч. Иванова и литературоведа М.О. Гершензона, содержит элемент противопоставления, которое красной нитью проходит через всю книгу. Однако, как подчёркивают авторы, это антитеза особого свойства — «диалог / противоборство принципиально единого явления» (с. 5). Исходя из этого посыла, в монографии поставлена интересная и научно значимая задача — осуществить сравнительный анализ советской и эмигрантской вер-

сий отечественной исторической науки 1920–1930-х гг., показать их самооценку и оценку друг друга и, тем самым, раскрыть российский историографический процесс во всей его сложности и неоднозначности.

Заявленный подход отличается от общепринятого сегодня параллельного осмысления эмигрантской и советской исторической науки. Он позволяет поставить ряд вопросов, от решения которых во многом зависит общий взгляд на историческую науку России двух первых послереволюционных десятилетий: «Можно ли говорить об эмигрантском интеллектуальном трансфере в советскую историографию? И, на-

* Волошина В.Ю., Груздинская В.С., Колеватов Д.М., Корзун В.П. Из двух углов: отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков (1920–1930-е гг.). Омск: Изд-во Омского государственного университета, 2020. 336 с.

оборот, — советской в эмигрантскую? Какова специфика коммуникативного поля науки в межвоенный период? Наконец, как работает на данном материале концепт “периферийности и мейнстрима”?» (с. 6). Не менее важны они для понимания отечественной историографической традиции, прервать которую не смогли даже политико-идеологические потрясения революции и Гражданской войны¹.

Появление такого исследования глубоко закономерно. Оно связано, прежде всего, с растущим интересом к ремеслу историка, его творческой лаборатории, к индивидуальности исследователя, с расширением междисциплинарного подхода в изучении историографии, в котором всё больший вес приобретают антропологические и культурологические трактовки.

Очертив проблематику исследования и подходы к её раскрытию, авторы уделили внимание вопросам институализации советской и эмигрантской исторической науки. Справедливо отметив, что эта проблематика уже достаточно изучена, они остановились на ключевых для собственного исследования моментах, основываясь на открытиях предшествовавших исследований и дополняя их новым источником — новым материалом.

В монографии выделены два основных этапа складывания организационной структуры советской исторической науки, рубежом между которыми стала середина 1930-х гг. Внимание акцентируется на трансформациях понимания историками места и роли своей науки в жизни общества, на изменении проблематики исторических исследований и их организации, на новациях в самом языке научного творчества. Показаны сложное переплетение дореволюционных и новых учреждений, проблемы существования учёных «старой школы» и молодых историков-марксистов,

роль власти в формировании нового облика исторической науки.

Институциональное оформление исторической науки Русского зарубежья рассматривается на примере его части, обосновавшейся в Праге. Выбор этого города имеет веские основания. Благодаря «Русской акции» чехословацкого государства, возглавлявшегося Т. Масариком, там образовалась большая научная эмигрантская диаспора. Историю в ней представляли такие известные учёные, как Н.П. Кондаков, В.А. Францев, А.А. Кизеветтер, И.И. Лаппо, В.А. Мякотин, Н.Л. Окунев, Е.В. Спекторский, А.В. Флоровский, С.Г. Пушкирём, Е.Ф. Максимович, П.Н. Савицкий и др. Они создали научные институты и общества, семинары, народные университеты, лектории, кружки, а также архивы и музеи, вели издательскую деятельность. В монографии Прага справедливо названа «центром исторической науки зарубежья, в первую очередь славяноведения» (с. 40–41).

Обстоятельно описаны и проанализированы структура и деятельность профессиональных объединений историков-эмигрантов, прежде всего Русского исторического общества и Русского заграничного исторического архива. Их характерные черты свидетельствуют, что «в зарубежье российские историки попытались воссоздать традиции и каналы коммуникаций дореволюционного сообщества, но эмигрантские условия существования не позволили сделать это в полной мере» (с. 57).

Таким образом, в монографии отражена разнонаправленность институционального развития исторической науки. Поиск Советской России новых форм организации научного труда и образовательного процесса, с характерным для революционной эпохи стремлением забежать вперёд и неизбежными откатами назад, шёл параллельно с консервацией до-

революционных форм и принципов научно-образовательной деятельности за рубежом.

Анализ историографического процесса, установление степени интеллектуального взаимодействия между двумя сообществами историков осуществлён в монографии по нескольким линиям. Изучены библиографии, составленные советскими и эмигрантскими учёными, их личная переписка (с акцентом на примерах очного и заочного научного взаимодействия), состояние и эффективность обмена новыми изданиями. Также привлекались свидетельства прямых контактов на международных научных форумах и во время заграничных командировок советских историков.

Рассмотрение такого рода коммуникаций начато с разбора наиболее устойчивой формы научного взаимодействия — библиографических пособий и рецензий, изданных в СССР и за рубежом. Выявлены мотивы, побуждавшие историков следить за творчеством друг друга. Интересно, что и для тех и для других они заключались в утверждении себя в новых жизненных и профессиональных обстоятельствах. Для эмигрантов «эти поиски, связанные с трудным процессом адаптации, неизбежно предполагали обращение как к текущему историографическому процессу в метрополии, так и к тем культурным интеллектуальным практикам, родному для них научному полю, из которого они оказались выброшенными. В свою очередь, поколение молодых советских историков... в процессе самоидентификации воинственно противопоставляли себя “старой буржуазной историографии” и, естественно, некоторые из них проявляли интерес к творчеству эмигрантских историков» (с. 60).

Сплошное изучение откликов представителей обоих «лагерей» на работы друг друга выявило отличия

в интенсивности реакции. Отмечено, в частности, что «рецензии А.А. Кизеветтера на работы С.Ф. Платонова, С.В. Бахрушина, М.К. Любавского, М.Н. Покровского, А.Е. Преснякова, М.В. Нечкиной и др. в журналах “Современные записки” и “На чужой стороне” свидетельствуют о том, что историки, находящиеся в эмиграции, пристально следили за развитием исторической мысли в Советской России» (с. 61). Труды историков-эмигрантов реже находили отклик в советских периодических изданиях, хотя информация о них отражалась в библиографических пособиях (с. 62).

Чрезвычайно интересен сравнительный анализ двух таких указателей — «Русская зарубежная книга», изданного в 1924 г. в Праге под редакцией библиографа и историка С.П. Постникова, и «Революция и гражданская война в Сибири: указатель книг и журнальных статей», подготовленного библиографом и историком-краеведом А.Н. Туруновым и историком-архивистом В.Д. Вегманом и опубликованного в Новосибирске в 1928 г. В эмигрантском издании имеется подраздел «История русской революции и гражданской войны», тематически сопоставимый с сибирской библиографией, что сделало такое сравнение вполне корректным. Итог анализа оказался неожиданным. Если составители «Русской зарубежной книги» посчитали достойными упоминания только книги, «созданные русскими культурными силами, несмотря на существование советской власти» (с. 71), т.е. советскими историками «старой школы», то в новосибирском указателе отражены литература и мемуары на русском и иностранных языках, изданные в крупных центрах русской эмиграции: Берлине, Константинополе, Праге, Париже, Харбине, Шанхае. Революционер Вегман был вынужден «притушить» клас-

совую непримиримость под влиянием своего соавтора (с. 72). В результате объективность отбора библиографического материала оказалась большей, чем в эмигрантском издании.

Объясняя эту особенность, В.П. Корзун затронула проблему соотношения личного экзистенциального опыта историка и объективности его научного исследования, крайне актуальную для каждой стороны, без учёта которой многие стороны историографического процесса остаются непонятыми. «Революция и последующие события для русских эмигрантов стали жизнеразрушительными силами, и делом жизни для них было продление отечественной, в основе своей дореволюционной традиции, сохранение её целостности и непогрешимости и, соответственно, вопрос о включении инородно-враждебных, советских “элементов” на этом этапе был решён в конечном счёте отрицательно, хотя идея объективистско-научного отношения к библиографии не исчезала». Для советских исследователей революция и Гражданская война оказались событиями «жизнеустроительными». Потому даже классовый подход и воинственная лексика по отношению к идеологическим противникам не стали препятствием к тому, чтобы освещать трагические события недавнего революционного прошлого «с возможно большей степенью полноты и целостности, привлекая в определённых рамках свидетельства представителей противоположного лагеря» (с. 75).

Взаимодействие историков Советской России и эмигрантов отслежено также по их частной переписке и книгообмену. Сложные политико-идеологические условия не способствовали интенсивной частной переписке (с. 77), однако такие связи отчасти сохранялись. Подмечена важная особенность: они велись преимуще-

ственно между историками одного поколения, лично и профессионально сложившимися до 1917 г. В качестве одного из примеров — посылка в 1927 г. находившимся в эмиграции Г.В. Вернадским трёх экземпляров его новой книги «Начертание русской истории» в Самару — историкам «старой школы» С.В. Юшкову, С.Н. Чернову и П.Г. Любомирову (с. 85). Тот же результат дал анализ переписки: «Нами, за исключением А.В. Флоровского и Н.Л. Рубинштейна, не выявлены случаи переписки представителей молодой генерации советских историков-марксистов с историками-эмигрантами, хотя мы не можем отрицать, что они могли иметь место» (с. 91).

«Уловить неявный диалог между советскими и эмигрантскими историками» (с. 93) должен был фронтальный просмотр Д.М. Колеватовым материалов газеты «Последние новости», выпускавшейся П.Н. Милюковым в Париже в 1920–1940 гг., за особо значимые для советской исторической науки годы, давшие всплеск интереса к историографии — 1922, 1925, 1928, 1934, 1937 («философский пароход», 200-летний юбилей Академии наук, переход монополии в советской исторической науке к марксистскому направлению, восстановление изучения в СССР гражданской истории и Большой террор).

Справедливо утверждение автора, что редакция, перепечатавшая информацию из «Правды», «Известий» и других газет, «фактически давала слово официальной советской историографии и формировала представление об условиях развития историографического процесса в Советской России» (с. 93). В то же время подчёркивается, что по ряду причин настоящим полем научного общения это издание статей не могло, как не смогло «создать общей картины советского

историографического процесса» (этому препятствовало предубеждение редколлегии против марксистского прочтения истории). Тем не менее страницы «Последних новостей» служили одним из «мостов» между оказавшимися по разные стороны границы историками «старой школы».

В монографии оценивается роль международной научной деятельности советских учёных в их диалоге с эмигрантами. В.Ю. Волошина и В.С. Груздинская, скрупулёзно отследив факты научного взаимодействия, отмечают его незначительность. Историки из СССР, как правило, «тесно сотрудничали с иностранными коллегами, а своих соотечественников-эмигрантов демонстративно сторонились» (с. 126). Привлечённый исследователями документальный материал подтвердил устоявшийся в современной историографии вывод, что диалог ограничивался рамками одного поколения. Приведённые в монографии заметки С.М. Дубровского, одного из членов советской делегации на международном конгрессе в Осло (1928), явственно показывают, что степень восприятия марксистами иных научных позиций приближалась к нулевой. Оценивая королевский дворец, в котором проходил официальный приём участников конгресса, Дубровский и его коллеги живо обсуждали, что «после норвежской революции в его залах вполне может разместиться исторический музей или картинная галерея» (с. 142).

Заключительная глава исследования, над которой трудились все члены авторского коллектива, посвящена восприятию историографического процесса в Советской России 1920–1930-х гг. историками-эмигрантами и марксистами. Так, внимание Кизеветтера сосредоточивалось на учёных, продолжавших в новых условиях «чисто академическую научную

традицию» (с. 157), а отношение к марксистской историографии эволюционировало «от пренебрежительного игнорирования “разных Красных архивов специфической окраски” до раздражённо-критического восприятия ранней советской исторической и историографической конкретики» (с. 159). Учёный уничижительно смотрел на «целое поколение ушибленных марксизмом молодых русских историков» (с. 163). Однако, не принимая концептуальных выводов в целом, он мог по достоинству оценить профессионализм конкретного автора. Так произошло, например, с М.В. Нечкиной и её работой «Общество соединённых славян» (с. 159).

Те же черты – абсолютизация до-революционных традиций, отторжение марксистской историографии, восприятие советских историков «в системе координат “свой / чужой”» (с. 179) – отмечены у Милукова. Он, однако, усматривал в советской исторической науке и «положительные тенденции», связанные с работами как «представителей “старой буржуазной традиции” (С.Ф. Платонов, Ю.В. Готье, А.Е. Пресняков, С.Б. Веселовский, М.А. Полиевктов, Р.Ю. Виппер), так и отдельных историков среднего (приват-доцентского) и молодого поколения, включая в эту генерацию Б.Д. Грекова, А.И. Андреева, А.Н. Сперанского, М.В. Нечкину, Н.М. Ченцова, К.В. Базилевича, С.В. Бахрушина, А.А. Савича, А.А. Введенского» (с. 200).

Чрезвычайно интересен анализ рукописного текста рецензии А.В. Флоровского на «Русскую историографию» Н.Л. Рубинштейна (1941), хранящегося в Славянской библиотеке в Праге. Он показал, что у «позитивиста Флоровского и марксиста Рубинштейна» наблюдалась «внутренняя сопряжённость по целеполаганию». Её авторы данного раздела обоснованно выводят из творческого понимания

марксизма, позволившего историку сосредоточиться на выявлении вклада дореволюционных учёных в движение науки (с. 204). В монографии сделан вывод, что Флоровский «практически, а не декларативно, проводит концепцию единства отечественной исторической науки в дореволюционном и советском её изводах» (с. 208). Суждения историка интересны ещё и тем, что обнаруживают неоднородность мнений эмигрантов о судьбах исторической науки России — от глубоко пессимистических до сдержанно позитивных.

Советский историографический процесс 1920–1930-х гг. рассмотрен на примере работ М.Н. Покровского, М.В. Нечкиной и С.А. Пионтковского. Такой выбор объясняется тем, что это «воспитанники старой дореволюционной школы и одновременно яркие представители формирующейся советской науки» (с. 231). В качестве общей черты их творчества отмечена «традиция презентации научного знания “с конца”, начиная с наивысшей точки развития — марксизма. В разряд “чужих”, “врагов”, естественно, были отнесены и учёные-эмигранты, сотрудничество с ними рассматривалось “как вредительство в деле всего нашего учёного строительства”» (с. 260). Особо выделен «историографический нарратив М.В. Нечкиной» — «более сложно сконструированный текст в сравнении как с учителем М.Н. Покровским, так и представителями новой генерации историков» (с. 249). Отмечая ценность данного анализа, считаю, однако, что было бы интересно добавить в круг рассмотренных историков-марксистов, не имевших за плечами классического университетского образования и окончивших новые коммунистические вузы. Это позволило бы ярче показать специфику советской исторической науки тех лет.

Подводя итог исследованию, авторы констатируют, что не все положения их гипотезы о взаимодействии двух сообществ российских историков нашли подтверждение. «Так, по существу, единичными оказались рецензии советских историков на труды эмигрантов, а значит, затруднительно говорить о полноценном диалоге представителей двух научных сообществ, не зафиксировано зеркальное отражение интереса к трудам коллег, оказавшихся по разные стороны государственной границы. Это особенно характерно для советской исторической периодики, в которой пульс эмигрантской науки едва прослушивался» (с. 261). Хотя исследование и не оправдало все ожидания авторов, оно выявило новые научные проблемы, такие как вопрос «о влиянии позитивистской традиции и собственно исследовательской практики “по инерции” на советский и исторический, и историографический нарративы после 1934 г.» (с. 265). В этой связи подчеркну, что сопоставление внутривосточной и эмигрантской историографии даёт основание и стимул для постановки проблемы национальной историографической традиции, анализа особенностей её проявления в различных социально-политических условиях.

Всецело поддерживая творческие планы омских коллег, хотелось бы добавить ещё несколько тем. Дальнейшего изучения требует проблема внутренней неоднородности эмигрантского и советского исторических сообществ, которая может обнаружить новые точки их пересечения. Эмигрантская версия представлена в основном её либеральным крылом, тогда как может иметь специфику и социал-демократическая политико-историческая публицистика. То же самое относится и к советской версии, которую в указанный период времени едва ли стоит считать представленной лишь двумя лагеря-

ми — «старой школой» и молодыми марксистами.

Интересны и новые аспекты проблемы диалога поколений. Например, возможность объективного восприятия нового/иного научного мнения. Один из главных героев книги Милюков, в дореволюционный период бывший «ярким представителем новой, проблемно-концептуальной историографии» (с. 166), в советской исторической науке воспринимал, по существу, лишь творчество историков своего круга. В этом отношении весьма любопытно свидетельство его младшего коллеги А.Е. Преснякова, относящееся к 1892 г.: «В воскресенье был я на диспуте Милюкова и остался недоволен, потому что от него требовали того, чего он и не думал давать, упрекали, что он не ответил на вопросы, которые он не ставил в своей работе. Объясняю я это тем, что в точке зрения Милюкова столько нового, что со старых точек зрения его и оценивать нельзя»². В эмиграции, сосредоточив усилия на сохранении дореволюцион-

ной историографической традиции, Милюков по существу оказался в роли своих прежних критиков, оставаясь полностью закрытым для восприятия марксистской версии истории России. Однако интересно было бы осветить опыт её осмысления советской «старой профессурой» (а также определить её значение для их научного творчества).

В целом же рассмотренное исследование российского историографического процесса в сопоставлении его эмигрантской и советской версий позволило раскрыть многие важные стороны развития исторической науки России 1920–1930-х гг. и выявило новые перспективные направления её дальнейшего изучения.

Примечания

¹ Сидорова Л.А. Советская историческая наука: разрыв российской историографической традиции? // Историческое познание: традиции и новации. Ч. 1. Ижевск, 1993. С. 168–170.

² А.Е. Пресняков — М.П. Пресняковой. 19 мая 1892 г. // Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889–1927. СПб., 2005. С. 37.